

pISSN 2073-2872
eISSN 2311-875X

Устойчивое развитие экономики

КОРПОРАТИВНЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК МЕХАНИЗМ ОТРАСЛЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ РОССИИ

Дмитрий Владимирович РОДНЯНСКИЙ

кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного
и муниципального управления,
Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ),
Казань, Российская Федерация
drodnyansky@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1389-1503>
SPIN-код: 7686-1094

История статьи:

Рег. № 327/2020
Получена 01.06.2020
Получена в доработанном
виде 16.06.2020
Одобрена 30.06.2020
Доступна онлайн
14.08.2020

УДК 33.024

JEL: L71, Q43, Q48

Аннотация

Предмет. В настоящее время ключевой и бюджетообразующей отраслью экономики России по-прежнему является нефтяная промышленность, включающая в себя добычу, переработку, транспортировку и продажу нефти и нефтепродуктов. В этом аспекте важной задачей представляется изучение институциональной среды функционирования предприятий и организаций нефтяной промышленности, а также механизмов и инструментов государственного отраслевого управления.

Цели. Обоснование влияния корпоративных интеграционных процессов на систему отраслевого управления нефтяной промышленностью России, а также разработка рекомендаций по прогнозированию развития отрасли на основе моделирования данных по слияниям и поглощениям.

Методология. Обоснованность и достоверность выводов, полученных в ходе настоящего исследования, обеспечиваются использованием таких методов, как статистический и ретроспективный анализ, а также инструментов эконометрического моделирования.

Результаты. Проведен анализ влияния корпоративных интеграционных процессов на государственное отраслевое управление нефтяной промышленностью Российской Федерации. На основании проведенного корреляционно-регрессионного анализа сделаны выводы о степени влияния каждого фактора на показатели развития нефтяного сектора.

Выводы. Профильные органы государственной власти наряду с традиционными инструментами отраслевого регулирования должны использовать механизмы корпоративных интеграционных процессов. Кроме того, целесообразно участие в них государственных структур для повышения эффективности управления, достижения баланса краткосрочных и долгосрочных интересов отдельных бизнес-структур и отрасли в целом, а также устойчивого развития нефтяной промышленности страны.

Ключевые слова:

интеграционные
процессы, отраслевое
управление, нефтяная
промышленность

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2020

Для цитирования: Роднянский Д.В. Корпоративные интеграционные процессы как механизм отраслевого управления нефтяной промышленностью России // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2020. – Т. 16, № 8. – С. 1459 – 1475.
<https://doi.org/10.24891/ni.16.8.1459>

В современных условиях все более значимыми становятся вопросы, связанные с эффективностью регулирования нефтяной промышленности со стороны государства. В январе 2018 г. в Давосе состоялся Всемирный экономический форум, на котором, в частности, было отмечено влияние роста протекционистских тенденций в мировой торговле углеводородами и воздействие изменения климата на планете на экспорт углеводородного сырья. По итогам форума состоялось определение ключевых путей корректировки политики государств в соответствующей сфере. При этом в значительном числе стран уже наблюдается процесс изменения государственного регулирования отрасли.

Исследуя специфику регулирования отраслей сырьевой направленности со стороны государства, представляется возможным указать на существование следующих *моделей политики государства в энергетической сфере*.

1. В государствах, в которых энергоресурсы имеются в избытке, преобладающей является *модель национальной монополии*. Специфика указанной модели состоит в следующем. Энергетическая отрасль выступает в качестве локомотива развития экономики страны. Государство рассматривает энергетику в качестве сферы, регулирование и контроль в отношении которой полностью составляют прерогативу государства. В связи с этим существуют ощутимые ограничения на вход в отрасль для негосударственных игроков (как внутренних, так и иностранных).

2. *Модель национальной конкуренции*. Формирование указанной модели началось в 1980–1990-х гг. Для этого периода характерно реформирование энергетики в таких странах, как Новая Зеландия, Соединенные Штаты Америки, в ряде государств Западной Европы.

До указанного периода энергетика представляла собой сферу доминирования государства. В 1980-е гг., с распространением либеральных подходов, произошло сокращение участия государства в различных отраслях экономики. В результате подобного реформирования в экономике на краткосрочном горизонте наблюдалась существенная позитивная динамика. В то же время в более продолжительном периоде следствием реализации либеральной стратегии стало развитие кризисов в энергетической отрасли. В энергетике требовалось осуществлять крупные проекты, однако привлечь в них инвестиции оказалось затруднительно. Следствием стала ощутимая нехватка энергетических ресурсов, что, в свою очередь, привело к повышению цен на данные ресурсы. Возможные направления решения данного вопроса, апробированные на практике, представлены в следующем виде.

В Чили, Соединенных Штатах Америки, Аргентине усилилось вмешательство государства в энергетику, сопровождавшееся сокращением конкуренции в отрасли. В ряде других стран были выработаны общие законы и стандарты энергетической политики, которая приобрела интегральный характер. На этой основе в ряде скандинавских стран (Швеции, Норвегии, Финляндии, Дании) состоялось формирование модели интеграционной конкуренции, ориентированной на реализацию единой политики в энергетике, создание единого рынка энергоресурсов. В указанных странах наблюдается значительное государственное

участие. В то же время роль принудительного управления, использования административных воздействий является сравнительно меньшей – с преобладанием создания условий для рыночных отношений (в частности, посредством выработки нормативных основ соответствующих отношений).

Сегодня, оценивая, насколько эффективно государство регулирует отрасли, ориентированные на экспорт, а именно нефтяную промышленность, надо рассматривать в первую очередь степень участия государства в экономике. Динамика этого фактора во всех государствах на разных этапах их существования имеет различное направление, на что в совокупности наряду с геополитикой влияют финансово-экономические и социальные факторы.

Наука уже долгое время исследует государственную и частную собственность, анализируя соотношение, в котором они существуют, и их эффективность. Этот вопрос приобрел актуальность в России на постприватизационном этапе, хотя мировые исследования этой тематики проводятся с 1980-х гг. Исследования этой области базируются на трудах Д. Сэппингтона и Дж. Стиглица, в которых характеризуются изменения, принесенные процессом приватизации [1, 2]. Кроме этого, базовыми являются работы А. Шлейфера и Р. Вишни [3], где рассматривается совершенно иная точка зрения, которая выражается во влиянии социальных и политических факторов на государственную долю в экономике. Теория Меггинсона делает вывод, что на рубеже XX–XXI вв. государственное участие в экономике сокращается. За некоторым исключением это становится общемировой тенденцией [4–6].

Проблематика возвращения в какой-то степени «государственного капитализма» сегодня неоднозначна: крупные национальные компании активно поддерживаются, над активами государства усиливается контроль, через подконтрольных власти агентов привлекаются мощные финансовые потоки. Противоположное течение показывает, что вследствие сверхдоходов, полученных от продажи энергоресурсов в период 2005–2014 гг., укрепляются суверенные фонды государств, ориентированных на экспорт. Отмечается развитие экономики Китая, которая в мировом масштабе стала передовой, получение конкурентных преимуществ с помощью мер государственного регулирования в Китае и Сингапуре. С 2011 г. внешняя политика, проводимая западными странами, становится все более милитаризованной.

На «государственный капитализм» и его развитие повлиял мировой кризис периода 2008–2009 гг. Чтобы нивелировать его последствия, многим государствам пришлось обратиться к специальной мере регулирования: частные активы в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение, были национализированы. Проведенные исследования констатируют факт усиления государственного участия в российской экономике с 39,6%, характерных для 2006 г., до 46% ВВП, достигнутых в 2016 г. [7]. За эти 10 лет вклад в ВВП компаний с государственным участием стал больше на 1/5 и вырос до 25,3%, сектор государственного управления составляет 19,2% ВВП. Важно заметить, что занятость в компаниях с участием государства также имеет тенденцию роста. Показатель вклада государства в РФ

примерно на 10% выше, чем в других развивающихся странах. Такая положительная динамика – свидетельство тревожных тенденций в российской экономике [8–10].

С 2009 г. многие государства начали проводить приватизационные меры. Большая часть доходов от них, а именно 58,7%, была получена в период 2015–2016 гг., всего за последние четыре года эти доходы составили около 998,8 млн долл. США. Данный механизм применяется в разных целях, которые зависят от политики, проводимой конкретной страной. Это может быть как получение дополнительного дохода, так и стратегические цели, в частности, рост экономической эффективности [7, 11–15].

С 2010 г. доля участия государства в российской экономике растет с помощью механизма, повышающего роль государственных структур в процессах распределения финансов. При этом государственные структуры усиленно поддерживают вертикально интегрированные компании. Одновременно наблюдаются и количественные изменения: расширяются пакеты государственных акций значимых для страны крупнейших компаний. Отмеченные тенденции имеют и определенные недостатки, самый существенный из которых состоит в том, что темпы и направления экономического роста России замедляются. Слабый экономический рост обусловлен тем, что рыночное регулирование подменяется административным, в результате чего отечественные производства терпят так называемый «технологический голод».

В начале XXI в. в России одним из наиболее распространенных инструментов развития бизнес-структур стали корпоративные интеграционные процессы. В это же время особую популярность приобрела холдинговая структура владения и управления. Необходимо отметить, что основным способом реализации интеграционных процессов являются слияния и поглощения (M&A).

Вместе с тем до сих пор в России нет юридически устоявшегося термина, аналогичного понятию M&A в европейских странах и США. В Российской Федерации по-прежнему на нормативном уровне существует только определение понятия слияния обществ, которое в соответствии с Гражданским кодексом РФ является одной из форм реорганизации юридического лица. В мировой юридической практике обычно под слиянием понимается объединение нескольких компаний «посредством бухгалтерского метода покупки или метода слияния активов» [16]. Таким образом, с точки зрения закона, слияние в США – это ликвидация нескольких объединяемых юридических лиц и фактическое их присоединение к основному юридическому лицу. Указанная трактовка слияния в США кардинально отличается от российского подхода, в соответствии с которым слияние – это только лишь частный случай реорганизации предприятия, отличительной чертой которого является смена собственника. Вместе с тем мировая практика проведения интеграционных процессов свидетельствует о том, что реализация подобных процессов возможна не только в процессе реорганизации, поэтому экономическое понимание слияния, используемое в международном деловом обороте, охватывает большее количество возможных решений.

В данной работе интеграционные процессы, реализованные в форме слияний и поглощений (M&A), рассматриваются в широком смысле и в экономическом контексте – как добровольное объединение нескольких бизнес-структур, так и враждебные действия, направленные на получение контроля над другим юридическим лицом без согласия последнего. Таким образом, ключевыми критериями, отличающими интеграционные процессы от других видов сотрудничества, являются получение экономического и юридического контроля над одним или несколькими юридическими лицами, завершённый характер сделки, прекращение экономической самостоятельности и централизация управления в руках менеджмента «главной» компании.

В экономической научной литературе большое внимание уделяется вопросам оценки эффективности интеграционных процессов, способов их реализации и последствий для экономики регионов и страны в целом. Указанные аспекты будут также рассмотрены в настоящей работе, однако представляется необходимым детально проанализировать предпосылки и мотивы реализации интеграционных процессов в нефтяной промышленности России.

Одним из первых авторов, систематизировавших основные мотивы интеграционных процессов, был Ф. Траутвейн. В своей работе *Mergers motives and merger prescriptions* он выделил семь базовых теорий [17]. По мнению Траутвейна, интеграционные процессы могут реализовываться в соответствии с теорией эффективности, то есть синергии, достигаемой объединяющимися компаниями, стремлении достигнуть рыночной силы и стать монополистом (монополярная теория), ценностной теорией, то есть повышения стоимости компании. Также Траутвейн в качестве мотивов интеграционных процессов выделял стремление построить империю (имперская теория), амбиции и желание менеджеров получить контроль над большим количеством ресурсов и процессов (процессная теория), рейдерские мотивы, а также внешние мотивы, к примеру, беспорядки.

Впоследствии другие авторы дополнили его классификацию¹ [18], а уже в 2016 г. впервые в литературе была выдвинута версия о мотиве приобретения роста, то есть приобретении компании с существенным и значительным потенциалом роста на соответствующем рынке [19].

Интеграционные процессы во всех отраслях в России имеют ряд особенностей. Во-первых, первая серьёзная волна интеграции в терминах и процедурах, соответствующих лучшим мировым практикам, пришла в Россию только в начале XXI в. Рейдерские захваты, залоговые аукционы, бартерные сделки и процесс «первоначального накопления капитала» в «новой России» после распада СССР невозможно отнести к традиционным сделкам M&A в силу несоблюдения минимальных юридических процедур, участия криминальных структур в подобных транзакциях, а также отсутствия должного нормативно-правового регулирования соответствующих процессов.

¹ Stein J.C. Agency, Information and Corporate Investment. Handbook of the Economics of Finance. 2003, pp. 111–165.

Во-вторых, в Европе и особенно в США рынок M&A был очень развит, на нем присутствовали соответствующие специалисты с высокой квалификацией: юристы, банкиры, инвестиционные консультанты. Россия оказалась в ситуации необходимости кардинального изменения системы действующего гражданского и предпринимательского права, поиска высококвалифицированных специалистов в области слияния и поглощения. Именно на период 2000–2005 гг. приходится максимальное количество так называемых экспатов – привлеченных топ-менеджеров транснациональных корпораций, направленных в нашу страну для координации интеграционных процессов. Параллельно в ведущих вузах и бизнес-школах США и Великобритании повышали свою квалификацию и получали азы знаний в области корпоративного права и интеграционных процессов десятки тысяч российских граждан.

В-третьих, большое значение в процессе реализации интеграционных проектов в России играли неформальные связи и отношения. В ситуации отсутствия комплексного и четкого антимонопольного законодательства, наличия значительных пробелов в корпоративном и предпринимательском праве, политической и административной слабости Федеральной антимонопольной службы и органов власти, предшествовавших ей, ключевым звеном в успешной реализации интеграционных процессов являлась протекция в крупных государственных компаниях или федеральных органах исполнительной власти, которые осуществляли согласования указанных проектов.

В результате в России начал формироваться самостоятельный и обособленный рынок интеграционных процессов, отличительной чертой которого была его высокая маржинальность. Доходность сделок по слиянию и поглощению могла достигать 400–500% в год. Подобная доходность нивелировала все существующие в России экономические и политические риски и привела к масштабной экспансии зарубежного капитала в страну.

По ряду причин нефтяная промышленность оказалась в авангарде всех интеграционных преобразований. Данный сектор продолжал генерировать стабильные денежные потоки в иностранной валюте, несмотря на кризисные явления в экономике. В указанной отрасли по-прежнему существовали долгосрочные контракты на продажу нефти и нефтепродуктов контрагентам. Большое количество потенциально доступных к разработке месторождений формировало стабильный операционный доход при уже проведенных геологических работах. Все эти факторы привели к тому, что в нефтяной промышленности начали активно реализовываться интеграционные процессы.

За период с 2001 по 2018 г. в «нефтянке» насчитывалось 1 387 корпоративных интеграционных процессов на общую сумму более 317 млрд долл. США. В *табл. 1* представлена динамика интеграционных процессов в нефтяной промышленности России.

Следует отметить, что интеграционные процессы в нефтяной промышленности России широко иллюстрируют весь спектр существующих теорий и мотивов. Как

видно из данных *табл. 1*, динамика интеграционных процессов в целом совпадает с динамикой развития отечественной экономики. После бурного роста 2000–2007 гг. в период 2008–2012 гг. наблюдается спад количества сделок по слиянию и поглощению в нефтяной промышленности. Всплеск 2013 г. связан с завершением сделки по консолидации НК «Роснефть» активов ТНК-ВР.

Интересным для анализа является стоимость реализованных интеграционных процессов. Выявить набор традиционных факторов, влияющих на стоимость сделок по слиянию и поглощению, крайне тяжело. В отличие от рынков финансовых услуг, IT-сектора к традиционным факторам (таким как стоимость активов, выручка, EBITDA и т.п.) добавляются специфические отраслевые показатели – цены на нефть, уровень и характер запасов, степень выработки месторождений, наличие технологий, кадров. Также существенным для такой важной сферы, как нефтяная промышленность, является политическая воля и стремление к совершению интеграции. Многие из указанных факторов не обязательны для раскрытия нефтяными компаниями, поэтому обосновать цену интеграционных процессов можно исключительно с помощью экспертных оценок и инсайдерской информации.

Вместе с тем необходимо отметить, что интеграционные процессы могут оказывать значительное влияние на показатели социально-экономического развития регионов и страны в целом. Учитывая, что в суммарном выражении доля сделок по слиянию и поглощению в нефтяной промышленности России в различные годы достигает почти 60% от всех интеграционных процессов во всех отраслях, можно сделать вывод о необходимости анализа характера и степени подобного воздействия на макроэкономические показатели.

Для проведения корреляционно-регрессионного анализа были отобраны следующие независимые переменные: количество сделок по слиянию и поглощению в нефтяной промышленности за период 2001–2018 гг.; их стоимостное выражение (млн долл. США); средняя стоимость одной сделки; доля сделок в указанной в сфере от общей стоимости всех сделок (%). В качестве зависимых переменных поочередно последовательно анализировались следующие показатели: ВВП России (трлн долл. США); доходы консолидированного бюджета (млрд долл. США); объем добычи нефти и газового конденсата (млн т); объем экспорта нефти (млн т). Анализ производился с помощью пакета прикладных программ Statistica. Исходные данные представлены на *рис. 1*.

Первоначально был проведен анализ на наличие связи между показателем «Доходы консолидированного бюджета» и выбранными тремя независимыми переменными: количество интеграционных процессов в нефтяной промышленности страны, суммарный объем сделок и их доля в общем количестве сделок.

Множественная регрессия проводилась с использованием метода пошаговой, или гребневой регрессии с пошаговой процедурой с включением переменных. В результате скорректированный коэффициент детерминации составил 68%, что показывает наличие достаточно сильной связи между анализируемыми переменными. В качестве значимых переменных были выбраны две: суммарная

стоимость сделок по слиянию и поглощению и доля отраслевых сделок в общем количестве сделок по слиянию и поглощению. Краткие результаты множественной регрессии представлены на *рис. 2*.

Итоги регрессии для зависимой переменной «Доходы консолидированного бюджета» приведены на *рис. 3*. На *рис. 4* представлен нормальный вероятностный график остатков.

Из *рис. 4* следует, что систематических отклонений фактических данных от теоретической нормальной прямой не наблюдается, что говорит о высоком качестве построенной модели.

Аналогично был проведен анализ и для зависимой переменной «Валовой внутренний продукт России». В данном случае скорректированный коэффициент детерминации также составил 68%, а значимыми оказались уже все три переменные.

Анализ, проведенный по двум другим зависимым переменным – объемом добычи нефти и объемом экспорта сырой нефти, показал полное отсутствие взаимосвязи между данными переменными и соответствующими интеграционными процессами.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод о наличии взаимосвязи между интеграционными процессами, а именно – их количественной и стоимостной оценками, а также долей сделок по слиянию и поглощению в нефтяной промышленности в общем количестве интеграционных процессов и доходов консолидированного бюджета и валового внутреннего продукта.

Зависимость доходов консолидированного бюджета можно выразить уравнением регрессии, имеющим вид

$$y = 747,3881 + 0,0114x_2 + 11,733x_3,$$

где x_2 – суммарная стоимость сделок по слиянию и поглощению в нефтяной промышленности России;

x_3 – доля отраслевых сделок в общем количестве интеграционных процессов в стране.

Зависимость валового внутреннего продукта России можно выразить уравнением регрессии, имеющим вид

$$y = 2,203257 - 0,006281x_1 + 0,000033x_2 - 0,032753x_3,$$

где x_1 – количество сделок по слиянию и поглощению в нефтяной промышленности России;

x_2 – суммарная стоимость сделок по слиянию и поглощению в нефтяной промышленности России;

x_3 – доля отраслевых сделок в общем количестве интеграционных процессов в стране.

Таким образом, можно сделать вывод, что интеграционные процессы являются важным инструментом системы – как государственного отраслевого управления нефтяной промышленностью, так и всей страной в целом за счет стратегического характера регулируемых активов и сильного воздействия на ключевые макроэкономические показатели.

Таблица 1

Динамика интеграционных процессов в нефтяной промышленности в России в 2001–2018 гг.

Table 1

Trends in integration processes of the Russian oil sector, 2001–2018

Год	Количество сделок	Сумма сделок, млн долл. США	Доля в общем количестве интеграционных процессов, %	Средняя стоимость сделки, млн долл. США
2001	65	3 069,4	36,6	47,22
2002	76	4 836,04	39,36	63,63
2003	67	14 383,56	57,16	214,68
2004	128	3 151,94	15,42	24,62
2005	106	28 563,78	54,97	269,47
2006	100	12 388,79	22,96	123,89
2007	164	34 382,66	28,59	209,65
2008	83	8 432,66	7,67	101,6
2009	60	28 544,44	57,02	475,74
2010	58	5 544,35	10,93	95,59
2011	96	16 993,94	18,04	177,02
2012	98	9 264,24	11,33	94,53
2013	87	79 044,19	50,38	908,55
2014	74	20 138,77	27,31	272,15
2015	40	16 559,74	29,67	413,99
2016	32	16 721,5	42	522,55
2017	30	12 891,17	30,47	429,71
2018	23	2 260,3	5,76	98,27

Источник: составлено автором по данным портала «Слияния и поглощения в России».

URL: <http://mergers.ru>

Source: Authoring based on the website *Mergers and Acquisitions in Russia*.

URL: <http://mergers.ru> (In Russ.)

Рисунок 1

Исходные данные для проведения корреляционно-регрессионного анализа

Figure 1

Input data for the correlation and regression analysis

	1 Доходы консолидированного бюджета, млрд долл.	2 ВВП России, трлн долл.	3 Объем добычи нефти и газ. конд., млн т	4 Объем экспорта сырой нефти, млн т	5 Кол-во сделок слияний и поглощений, ед.	6 Сумма сделок, млн долл.	7 Доля отраслевых сделок в общих сделках, %
2001	92,0020569	0,305107988	348	164,5	65	3069,4	36,6
2002	112,255183	0,344497608	379,6	189,5	76	4836,04	39,36
2003	134,855002	0,430107527	421,2	228	67	14383,56	57,16
2004	188,472753	0,590072891	458,7	260,3	128	3151,94	15,42
2005	303,188576	0,76365384	469,9	252,5	106	28563,78	54,97
2006	391,020994	0,990531565	480,5	248,4	100	12388,79	22,96
2007	522,566648	1,29964428	491,3	258,6	164	34382,66	28,59
2008	650,503092	1,66061723	488,5	243,1	83	8432,66	7,67
2009	427,281924	1,2192633	494,1	247,5	60	28544,44	57,02
2010	527,990383	1,52511198	505	250,7	58	5544,35	10,93
2011	709,538698	2,05092046	511,4	244,5	96	16993,94	18,04
2012	754,185252	2,19364151	518,7	240	98	9264,24	11,33
2013	767,441349	2,29622664	523,3	236,6	87	79044,19	50,38
2014	695,82522	2,05891589	526,7	223,5	74	20138,77	27,31
2015	439,223031	1,3556545	531,8	244,5	40	16559,74	29,67
2016	419,430599	1,28016562	539,6	254,8	32	16721,5	42
2017	532,454904	1,57954916	547	252,8	30	12891,17	30,47
2018	595,309345	1,65695974	551,6	260,2	23	2260,3	5,76

Источник: авторская разработка

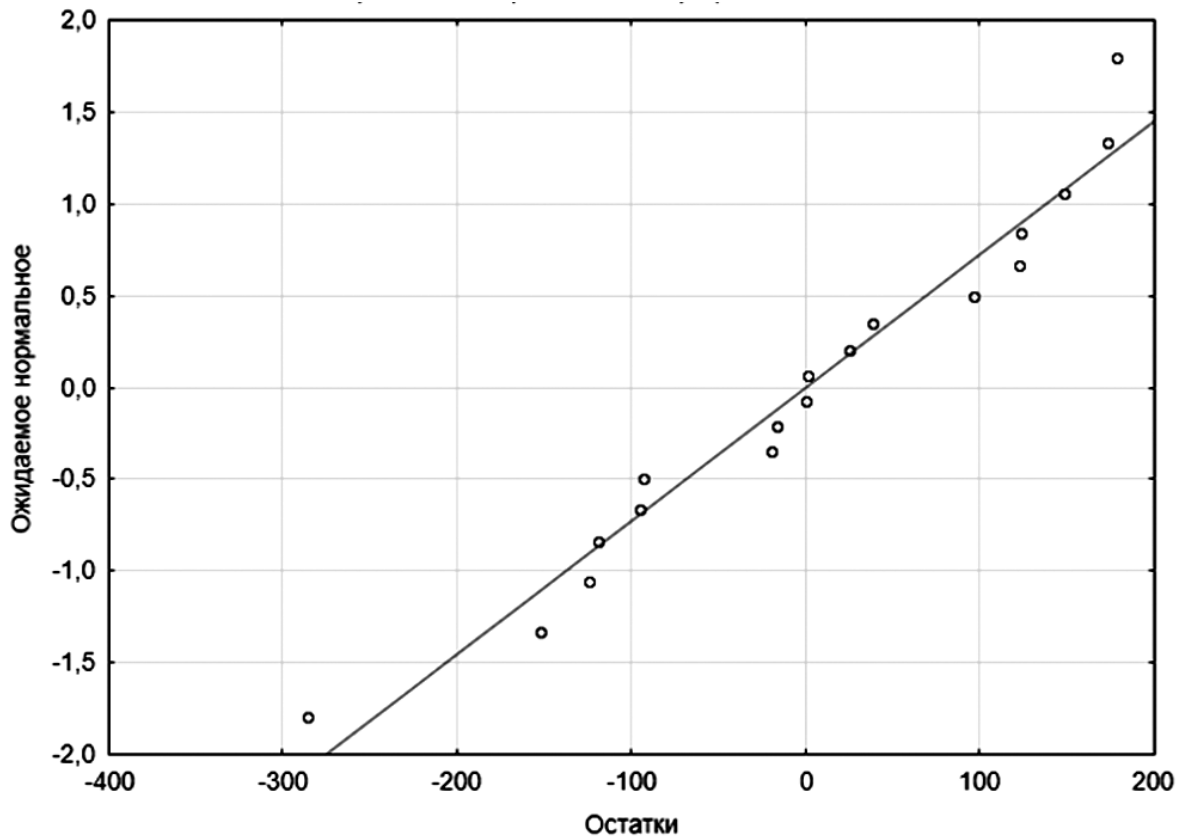
Source: Authoring

Рисунок 4

Нормальный вероятностный график остатков

Figure 4

The normal probabilistic graph of residues

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Список литературы

1. Sappington D., Stiglitz J. Privatization, Information and Incentives. *Journal of Political Analysis and Management*, 1987, vol. 6, no. 4, pp. 567–582.
URL: <https://doi.org/10.2307/3323510>
2. Стиглиц Д. Люди, власть и прибыль. Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. М.: Альпина Паблишер, 2020. 432 с.
3. Shleifer A., Vishny R.W. A Survey of Corporate Governance. *The Journal of American Finance Association*, 1997, vol. 52, iss. 2, pp. 737–783.
URL: <https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.1997.tb04820.x>
4. Megginson W.L. Privatization, State Capitalism, and State Ownership of Business in the 21st Century. *Foundation and Trends in Finance*, 2017, vol. 11, iss. 1-2, pp. 1–153. URL: <http://dx.doi.org/10.1561/05000000053>

5. Boubakri N., El Ghouli S., Guedhami O., Megginson W.L. The Market Value of Government Ownership. *Journal of Corporate Finance*, 2018, vol. 50, pp. 44–65.
6. Megginson W.L., Ullah B., Wei Z. State Ownership, Soft-Budget Constraints, and Cash Holdings: Evidence from China's Privatized Firms. *Journal of Banking and Finance*, 2014, vol. 48, pp. 276–291. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2014.06.011>
7. Абрамов А., Радыгин А., Чернова М., Энтов Р. Государственная собственность и характеристики эффективности. Экономика государственного сектора // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 5–37.
8. Абрамов А., Аксёнов И., Радыгин А., Чернова М. Современные подходы к измерению государственного сектора: методология и эмпирика // Экономическая политика. 2018. № 2. С. 28–47.
9. Bolivar M.P.R., Sanchez R.G., Lopez Hernandez A.M. Managers as Drivers of CSR in State-Owned Enterprises. *Journal of Environmental Planning and Management*, 2015, vol. 58, iss. 5, pp. 777–801. URL: <https://doi.org/10.1080/09640568.2014.892478>
10. Bruton G.D., Peng M.W., Ahlstrom D. et al. State-Owned Enterprises Around the World as Hybrid Organizations. *The Academy of Management Perspectives*, 2015, vol. 29, iss. 1, pp. 92–114. URL: <https://doi.org/10.5465/amp.2013.0069>
11. Clegg L.J., Voss H., Tardios J.A. The Autocratic Advantage: Internationalization of State-Owned Multinationals. *Journal of World Business*, 2018, vol. 53, iss. 5, pp. 668–681. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2018.03.009>
12. Clovis A.B. Corruption and Compliance in State-Owned Companies: Rationality of Brazilian State-Owned Companies Law. *Administrative Law Review*, 2018, vol. 277, iss. 1, pp. 241–272.
13. Clo S., Fiorio C.V., Florio M. The Targets of State Capitalism: Evidence from M&A Deals. *European Journal of Political Economy*, 2017, vol. 47, pp. 61–74. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2016.12.005>
14. Cuervo-Cazurra A., Inkpen A., Musacchio A., Ramaswamy K. Governments as Owners: State-Owned Multinational Companies. *Journal of Business Studies*, 2014, vol. 45, pp. 919–942. URL: <https://doi.org/10.1057/jibs.2014.43>
15. Ding S., Jia Chunxin, Wu Z., Zhang X. Executive Political Connections and Firm Performance: Comparative Evidence from Privately-controlled and State-owned Enterprises. *International Review of Financial Analysis*, 2013, Vol. 36(C), pp. 153–167. URL: <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2013.12.006>
16. Пирогов А.Н. Слияния и поглощения компаний: зарубежная и российская теория и практика // Менеджмент в России и за рубежом. 2001. № 5. С. 11–12.
17. Trautwein F. Mergers Motives and Mergers Prescriptions. *Strategic Management Journal*, 1990, no. 11, pp. 283–295. URL: <https://doi.org/10.1002/smj.4250110404>

18. *Blonigen B.A., Pierce J.R.* Evidence for the Effects of Mergers Power and Efficiency. *NBER Working Paper*, 2016, no. 22750. URL: <https://doi.org/10.3386/w22750>
19. *Levine O.* Acquiring Growth. *Journal of Financial Economics*, 2017, no. 126, pp. 300–319.

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

CORPORATE INTEGRATION PROCESSES AS A MECHANISM TO MANAGE THE OIL SECTOR OF RUSSIA

Dmitrii V. RODNYANSKII

Kazan (Volga Region) Federal University (KFU),
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
drodnyansky@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1389-1503>

Article history:

Article No. 327/2020
Received 1 June 2020
Received in revised form
16 June 2020
Accepted 30 June 2020
Available online
14 August 2020

JEL classification: L71,
Q43, Q48

Keywords: integration
processes, industry
management,
oil industry

Abstract

Subject. The oil industry is a key and fundamental source of fiscal revenue in Russia. It includes the mining, refining, transportation and sale of oil and petrochemicals. In this respect, it is important to examine the institutional environment of entities and enterprises operating in the oil sector, and mechanisms and tools for public administration in the sector. The management quality determines not only the performance of some companies, but the national socio-economic development.

Objectives. I substantiate that corporate integration processes influence the management of the oil sector in Russia. I also outline my recommendations on the prediction of the sectoral development by modeling the M&A data.

Methods. To make reasonable and reliable conclusions, I carry out the statistical and retrospective analysis and econometric modeling apparatus.

Results. I analyzed how corporate integration processes influenced the public administration in the oil sector of the Russian Federation. Based on the correlation and regression analysis, I conclude on the extent to which each factor influences the development indicators of the oil sector.

Conclusions and Relevance. In addition to traditional tools of the sectoral regulation, special governmental authorities should use the mechanism of corporate integration processes. Furthermore, governmental institutions should join the process to enhance the management, ensure the balance of short-term and long-term interests of some business structures and the entire sector, and the sustainable development of the national oil sector.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2020

Please cite this article as: Rodnyanskii D.V. Corporate Integration Processes as a Mechanism to Manage the Oil Sector of Russia. *National Interests: Priorities and Security*, 2020, vol. 16, iss. 8, pp. 1459–1475. <https://doi.org/10.24891/ni.16.8.1459>

References

1. Sappington D., Stiglitz J. Privatization, Information and Incentives. *Journal of Political Analysis and Management*, 1987, vol. 6, no. 4, pp. 567–582.
URL: <https://doi.org/10.2307/3323510>
2. Stiglitz J. *Lyudi, vlast' i pribyl'. Progressivnyi kapitalizm v epokhu massovogo nedovol'stva* [People, Power and Profits: Progressive Capitalism for an Age of Discontent]. Moscow, Al'pina Publisher Publ., 2020, 432 p.

3. Shleifer A., Vishny R.W. A Survey of Corporate Governance. *The Journal of American Finance Association*, 1997, vol. 52, iss. 2, pp. 737–783.
URL: <https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.1997.tb04820.x>
4. Megginson W.L. Privatization, State Capitalism, and State Ownership of Business in the 21st Century. *Foundation and Trends in Finance*, 2017, vol. 11, iss. 1-2, pp. 1–153. URL: <http://dx.doi.org/10.1561/05000000053>
5. Boubakri N., El Ghouli S., Guedhami O., Megginson W.L. The Market Value of Government Ownership. *Journal of Corporate Finance*, 2018, vol. 50, pp. 44–65.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2017.12.026>
6. Megginson W.L., Ullah B., Wei Z. State Ownership, Soft-Budget Constraints, and Cash Holdings: Evidence from China's Privatized Firms. *Journal of Banking and Finance*, 2014, vol. 48, pp. 276–291.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2014.06.011>
7. Abramov A., Radygin A., Chernova M., Entov R. [State ownership and performance characteristics. Economy of the public sector]. *Voprosy Ekonomiki*, 2017, no. 4, pp. 5–37. (In Russ.)
8. Abramov A., Aksenov I., Radygin A., Chernova M. [Modern approaches to measuring the public sector: The methodology and empirical base]. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, 2018, no. 2, pp. 28–47. (In Russ.)
9. Bolivar M.P.R., Sanchez R.G., Lopez Hernandez A.M. Managers as Drivers of CSR in State-Owned Enterprises. *Journal of Environmental Planning and Management*, 2015, vol. 58, iss. 5, pp. 777–801. URL: <https://doi.org/10.1080/09640568.2014.892478>
10. Bruton G.D., Peng M.W., Ahlstrom D. et al. State-Owned Enterprises around the World as Hybrid Organizations. *The Academy of Management Perspectives*, 2015, vol. 29, iss. 1, pp. 92–114. URL: <https://doi.org/10.5465/amp.2013.0069>
11. Clegg L.J., Voss H., Tardios J.A. The Autocratic Advantage: Internationalization of State-Owned Multinationals. *Journal of World Business*, 2018, vol. 53, iss. 5, pp. 668–681. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2018.03.009>
12. Clovis A.B. Corruption and Compliance in State-owned Companies: Rationality of Brazilian State-Owned Companies Law. *Administrative Law Review*, 2018, vol. 277, iss. 1, pp. 241–272.
13. Clo S., Fiorio C.V., Florio M. The Targets of State Capitalism: Evidence from M&A Deals. *European Journal of Political Economy*, 2017, vol. 47, pp. 61–74.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2016.12.005>
14. Cuervo-Cazurra A., Inkpen A., Musacchio A., Ramaswamy K. Governments as Owners: State-owned Multinational Companies. *Journal of Business Studies*, 2014, vol. 45, pp. 919–942. URL: <https://doi.org/10.1057/jibs.2014.43>
15. Ding S., Jia Chunxin, Wu Z., Zhang X. Executive Political Connections and Firm Performance: Comparative Evidence from Privately-controlled and State-owned

- Enterprises. *International Review of Financial Analysis*, 2013, vol. 36(C), pp. 153–167. URL: <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2013.12.006>
16. Pirogov A.N. [Mergers and Acquisitions: Foreign and Russian Theory and Practice]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* = *Management in Russia and Abroad*, 2001, no. 5, pp. 11–12. (In Russ.)
17. Trautwein F. Mergers Motives and Mergers Prescriptions. *Strategic Management Journal*, 1990, vol. 11, iss. 4, pp. 283–295.
URL: <https://doi.org/10.1002/smj.4250110404>
18. Blonigen B.A., Pierce J.R. Evidence for the Effects of Mergers Power and Efficiency. *NBER Working Paper*, 2016, no. 22750. URL: <https://doi.org/10.3386/w22750>
19. Levine O. Acquiring Growth. *Journal of Financial Economics*, 2017, no. 126, pp. 300–319.

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.